

результат! Перед лицом великой мировой угрозы волна дружбы снова поднимает дух союзных народов и ведет их вперед к цели».

Достижению таких результатов содействовала кропотливая работа британских расшифровщиков в начале 1917 г., что было потом описано полковником Хаузом, послом Уолтером Пейджем и другими.

Показав на этом примере значение разведывательной работы в области дипломатии, мы снова вернемся к действующим армиям — к тем методам, которые они применяли для определения силы и планов неприятеля, и к выяснению вопроса, какой информацией располагал командный состав армий в момент, когда он принимал свои решения. В военных операциях нашего времени, как и всегда было в прошлом, элемент внезапности имеет решающее значение и является скрытой пружиной успеха. Во всех важных операциях можно обнаружить те методы, с помощью которых эта внезапность осуществлялась в тяжелых условиях современной войны.

ГЛАВА XV

ТРАГИЧЕСКИЙ ЭПИЗОД НА ВОСТОКЕ

(1917)

Обратимся теперь к Востоку, где разыгралось одно из трагических событий в истории разведки, вновь напоминающее старую поговорку, что истина кажется подчас более странной, чем вымысел. Я приведу действительные факты, опуская лишь, по понятным причинам, фамилии и точные указания местностей. Я колебался, прежде чем рассказать об этом деле, но с тех пор прошло уже 13 лет, и за эти годы исчезло ожесточение военного периода, а описание деятельности агентов разведки на фронте в противном случае было бы неполным.

В этой трагедии участвовали: офицер британской разведки, которого назовем «Маннерингом», и его противник из германской разведки «фон Фриц». Маннеринг служил в британских войсках на востоке в 1917 г. В начале года до него дошли сведения, что район, занятый британскими войсками, наводнен неприятельскими тайными агентами. Он начал обдумывать, как лучше всего воздействовать на солдат, чтобы они принимали должные меры для охраны секретности будущих операций. Излагая свои опа-

сения главнокомандующему, в штабе которого он служил, он упомянул, между прочим, о неуловимом немецком агенте «Фрице», который, принимая разные обличия, «работает» в тылу английских войск. Сам Маннеринг не придавал особого значения этим слухам, так как точных данных о существовании «Фрица» не было. Тем не менее, было решено использовать эти слухи специально для того, чтобы поднять бдительность в войсках, внимательно выслеживать всех агентов разведки, которые пытались бы проникнуть и которые, пользуясь маскировкой, действительно проникали в район расположения британских войск.

Особым приказом всем командирам частей было сообщено о возможности появления таинственного «Фрица» и предписано принимать меры к его задержанию. Приказ немедленно возымел свое действие, и вся армия, от рядовых до высшего командного состава, резко повысила свою бдительность. Были произведены многочисленные аресты, причем и ошибок было немало. Однажды был арестован сам Маннеринг как «подозрительное лицо»; он был освобожден лишь тогда, когда за него поручился совершенно авторитетный представитель власти. В распространении подробных сведений о деятельности Фрица и о его внешности немалую роль играло пылкое воображение работников разведки.

Десять дней спустя Маннерингу пришлось по долгу службы посетить лагерь военнопленных. Повидимому, там его узнали: комендант лагеря сообщил ему, что один пленный грек, дезертировавший из турецкой армии, хочет с ним поговорить. Маннеринг согласился с ним побеседовать. Грек рассказал об обстоятельствах своего дезертирства и затем поразил Маннеринга заявлением, что он некоторое время работал по заданию настоящего «Фрица», которого до сих пор считали только жупелом. Грек заявил, что если Маннеринг поможет ему поскорее освободиться из плена, то он окажет всяческое содействие в деле поимки Фрица.

Немного подумав, Маннеринг согласился, но ради осторожности отправился вместе с греком к ближайшему греческому консулу, где удостоверили, что это действительно грек и, следовательно, гражданин нейтральной страны. Свое дезертирство грек объяснял тем, что он поспорил с Фрицем, причем он уверял, что ему легко будет вернуться в турецкие войска, взяв с собой ту информацию, какой Маннеринг сочтет нужным его снабдить. Эта информация должна была обеспечить доверие к нему со стороны Фрица

и турецкой разведки. Грек обещал, если все эти условия будут выполнены, устроить Маннерингу свидание с Фрицем, во время которого последнего будет очень легко захватить. Условия были приняты, и грек был снабжен достаточной для выполнения его задачи информацией, по существу совсем невинной. После этого он исчез из поля зрения.

Пять дней спустя грек сообщил, что Фриц придет в район расположения британских войск в тот самый день, когда должно было произойти перемещение войсковых частей. Место, выбранное греком для свидания, было идеальным. Это был отдаленный и пустынный уголок — русло высохшей реки, — издали незаметный, подлинно романтическая обстановка для подобной авантюры. В назначенный день Маннеринг, полный надежд, выехал к месту встречи. Он обрадовался, заметив грека, стоявшего около своей лошади; грек, стало быть, сдержал слово. После обычных приветствий грек сообщил, что Фриц перешел линию фронта и вместе со своим ординарцем находится в районе расположения британских войск. Оба они вскоре появятся.

Маннеринг часа два беседовал с греком, который подтвердил множество документальных доказательств, что он еще сотрудничает с Фрицем. Затем грек спросил Маннеринга, имеет ли он при себе оружие. Получив утвердительный ответ, грек посоветовал ему начать стрелять в Фрица, как только он покажется, обещая во-время предупредить о его приближении. Грек и Маннеринг прождали до 6 час. вечера, когда показался всадник. «Это ординарец, — прошептал грек, — он переодет в британскую форму. Фриц, вероятно, следует за ним».

Затем ординарец подъехал к греку, передал ему какие-то бумаги и сообщил (по-немецки), что Фриц, которого начали преследовать британские солдаты, пробирается по другой дороге по направлению к турецкой линии фронта. Сообщение ординарца явно вызвало удивление и разочарование у грека. Он сказал Маннерингу, что через несколько дней Фриц опять перейдет фронт, и обещал устроить другую встречу, более удачную. Маннерингу оставалось только согласиться, так как не было надежды на поимку этого неуловимого Фрица каким-либо другим способом. Но Маннеринг вовсе не хотел позволить ординарцу вернуться в неприятельский стан. Тайна, о которой знают трое, уже не тайна. Маннеринг сказал греку, что при этих условиях необходимо арестовать ординарца.

Тот стоял в нескольких шагах от Маннеринга, держа свою лошадь под уздцы. Грек сразу согласился и посоветовал Маннерингу проверить, свободен ли путь на другой стороне рва, «тогда мы схватим ординарца».

Держа одну руку в кармане на рукоятке револьвера, Маннеринг отвел свою лошадь немного в сторону и быстро вскочил в седло. В этот момент раздался два выстрела, и пули прожужжали мимо него. Круто поворачивая назад, он заметил, что в него стреляют оба, ординарец и грек. Маннеринг был совершенно поражен. Лошадь его встала на дыбы, когда он открыл огонь из своего револьвера по нападающим. Ординарец был ранен, грек же ускакал галопом и исчез; за ним помчалась и лошадь ординарца без своего всадника. Маннеринг остался один со смертельно раненым ординарцем.

Он слез с лошади и к своему ужасу обнаружил, что умирающий «ординарец», соучастник предателя-грека, — женщина, повидимому, немка, переодетая в британскую форму. Таков был трагический финал попытки совершить «патриотический» акт посредством убийства руководителя неприятельской разведки.

* * *

Вот продолжение этой истории. Фриц, которого английский офицер пытался поймать, не был ни призраком, ни мифической личностью. Это был, пожалуй, самый активный и находчивый агент германской разведки за все время войны. «Грек» и был «Фрицем», ординарцем была его жена.

Маннеринг узнал всю правду об этом лишь спустя несколько месяцев после перемирия, когда он получил подтверждение этого в письме от самого Фрица. Год или два спустя им пришлось еще раз встретиться лицом к лицу. Это было в кафе на территории, занятой британскими войсками. Они друг друга узнали, но в разговор не вступили.

Теперь мы перейдем к Палестине, где германская и британская разведки соревновались между собой в хитроумных выдумках. Отметим, что разведкой при штабе германского командующего турецкой армией в Палестине руководили немцы, в то время как на фронте разведывательная работа находилась в руках самих турок.

Мне неизвестно, проникал ли Фриц еще впоследствии в расположение британского фронта на восточном театре войны.

По сравнению с этим рассказом другие мало интересны. Но стоит упомянуть о судьбе одного весьма опасного агента, который был обнаружен службой разведки при египетской экспедиционной армии, которой командовал Алленби. Так как жизнь многих британских солдат зависела от деятельности этого и других ему подобных агентов, то с целью прекратить ее было решено послать ему письмо со вложением крупной суммы денег (около 30 фунтов стерлингов), будто бы в награду за услуги, оказанные им англичанам. Это письмо, имевшее целью дискредитировать его в глазах германских агентов, как и следовало ожидать, попало в их руки. Не производя никакого расследования и проверки улик, они сразу застрелили самого способного из своих агентов, заподозрив его в том, что он служил обеим сторонам и вредил таким образом туркам, хотя на самом деле он был очень опасен для британцев.

Приведем еще один правдивый рассказ, уже известный по некоторым сенсационным книгам о шпионских делах. Это рассказ об одном молодом человеке, жившем в одном из приморских городов Палестины за турецким фронтом. Мечтая об освобождении своей страны от турок, он решил связать свою судьбу с британской разведкой и стал ее тайным агентом. Фланги обеих армий упирались в море, а прибрежный район был так сильно защищен проволочными заграждениями, что трудно было пробраться через линию фронта. Девятнадцатилетний юноша перебирался на противоположный берег в собственной небольшой лодке, высаживаясь в нескольких милях к северу от турецкого фланга, отправлялся в приморский город, где находился его дом. Там жила его сестра, которая помогала ему в работе и с течением времени навлекла на себя подозрение турок. Судьба молодой девушки была ужасна, но никакими пытками турецкие власти не смогли вырвать у нее признаний, которые скомпрометировали бы ее брата. Она не перенесла мучений и умерла. Я упоминаю об этой девушке, как о примере великого героизма женщины.

Теперь перейдем к другим эпизодам из деятельности разведки во время знаменательного похода Алленби в Палестину.

АЛЛЕНБИ В ПАЛЕСТИНЕ

(1917)

В 1917 г. союзники потерпели ряд тяжелых неудач: поражение Нивелля на западном фронте и последовавшие за этим восстания во французской армии, тяжелые испытания армии Хейга в Пашендельских болотах, выход России из войны и крах Румынии, тяжелые удары, нанесенные британскому господству на морях беспощадной подводной войной, итальянская катастрофа у Капоретто. На мрачном фоне этих тяжелых событий отрядным пятном выделяются операции Алленби в Палестине, предпринятые в тот момент, когда Антанта систематически терпела поражения. В марте и апреле 1917 г. британские войска два раза потерпели неудачу при попытке вторжения в Палестину обычным прибрежным путем через Газу — город, превращенный в неприступную крепость.

Итак, из окопов Франции и Фландрии, с их монотонной жизнью, грязью и вошью, действие переносится в Газу. Мы дадим описание третьей битвы под Газой (27 октября — 7 ноября) и других событий маневренной войны в Палестине. Рассказ о разведывательной работе, предшествовавшей битве у Газы, позволяет нам раскрыть блестящую деятельность разведки, в которой скромный и традиционно «тупой» англичанин перехитрил «коварного» турка и его германских советников и наставников. При этом мы возобновим наше знакомство с «Маннерингом» — офицером британской разведки, с тем самым Маннерингом, который с германским «Фрицем» состязался в хитрости, что было описано в предшествующей главе.

Лорд Алленби (в то время сэр Эдмонд Алленби), прибыв в Палестину с западного фронта в июле 1917 г., застал следующее положение вещей. Сильно укрепленная линия турецких окопов тянулась от Газы почти на 30 миль внутрь страны до Беершебы. Газа и прибрежный сектор с полным основанием описывались как «сильная современная крепость, окруженная окопами и проволочными заграждениями, где имеются все средства для длительной обороны»; а рядом, на расстоянии одной мили, около Харэйры, были возведены грозные укрепления. Дальше был неукрепленный участок протяжением в 4½ мили, и затем начинался другой ряд укреплений, прикрывавших Беершебу. Наиболее тщательно укрепленные пункты обо-

роны были расположены близ берега моря на турецком правом фланге. Левый фланг турок внутри страны был более уязвимым, но операции более или менее внушительными силами в этом участке фронта затруднялись условиями безводной местности.

Фронт Алленби тянулся от берега моря против Газы внутрь страны на протяжении 22 миль — до Гамли. Наибольшие трудности представляло снабжение армии водой. На крайнем отрезке фронта у Газы в этом отношении было сравнительно благополучно: там вода подавалась из Египта по трубам — так осуществилось старинное арабское предсказание, что воды Нила со временем потекут в Палестину. Трудности доставки воды на далекое расстояние для снабжения армий знакомы всякому, кто знает условия войны в пустыне. Для варки пищи и питья необходимо иметь галлон на человека в день, не считая ни капли для мытья, а каждый галлон весит 10 фунтов. Эта цифра дает представление о весе того огромного груза, который представляет собой ежедневную потребность в воде десятков, а иногда, может быть, и сотен тысяч людей, а также животных, которые потребляют по 6 галлонов в день. Держать запасы воды трудно, так как в жарком сухом климате она быстро испаряется. Я вспоминаю один суданский поход (в 1884 г.), когда войска в пустыне вынуждены были удовлетворяться двумя пинтами воды в день. Люди шли с пересохшими горлами, потрескавшимися до крови губами, испытывая величайшие муки. Мне неизвестно, какой водный паек получали войска Алленби на правом фланге, но я знаю, что для доставки воды и других припасов его войскам за 15—20 миль от железной дороги требовалось, помимо других видов транспорта, 30 тыс. верблюдов.

Подготавливая операцию в таких трудных условиях, Алленби понимал, какое важное значение будет иметь неожиданность, ибо большая фронтальная атака на хорошо укрепленные и защищенные проволочными заграждениями позиции у Газы должна была привести к массовым потерям, причем нельзя было предвидеть исход битвы. Зато если бы удалось опрокинуть турецкий левый фланг, то туркам волей-неволей пришлось бы эвакуировать укрепления Газы. Алленби считал более выгодным, при условии преодоления природных препятствий, сосредоточить силы на своем правом фланге для нанесения удара по турецкому левому флангу у Шерии и Харэйры, где оборонительные укрепления турок были менее страшны, но при

этом в первую очередь нужно было взять Беершебу, потому что там была вода. Завладев источниками воды в Беершебе, можно было гораздо легче организовать наступление сильных частей на Шерию и Харэйру.

Итак, нужно взять Беершебу, но этот план необходимо сохранить в тайне во что бы то ни стало. Турки располагали хорошими дорогами позади своих позиций и могли их использовать для подвоза подкреплений к левому флангу. На стороне Алленби пути сообщения были плохие. Почва была изрезана лощинами и оврагами с непроходимыми для транспорта спуском и подъемом. Войска правого фланга Алленби получали все необходимое с помощью растянутой караванной цепи верблюдов.

План Алленби состоял в следующем. Предполагалось атаковать Газу с суши, поддерживая эту атаку бомбардировкой с моря, чтобы таким путем ввести в заблуждение неприятеля. На другом же, решающем фланге, внутри страны, в первую очередь должна быть захвачена Беершеба неожиданным ударом. Затем, опираясь на Беершебу с ее колодцами, предполагалось сосредоточить войска для главной атаки к северу и к северо-западу от этого пункта. «Соблюдение тайны — превыше всего» — таков был руководящий принцип, ибо сохранение тайны означало почти верный успех операции, раскрытие же плана могло привести к тяжелому поражению.

Тут мы вновь встречаемся с нашим знакомым Маннерингом, работником британской разведки: на него была возложена задача обмануть противника. Времени в его распоряжении было много. Он начал плести свою паутину обмана еще в сентябре или даже раньше, а внезапная атака на Беершебу была назначена на 31 октября. Неприятеля необходимо было ввести в заблуждение в двух направлениях: во-первых, нужно было создать у него впечатление, что серьезное наступление раньше конца ноября не предполагается, и, во-вторых, что атака, когда она осуществится, будет направлена против позиций у Газы, на крайнем правом фланге турецкого фронта.

Весь сентябрь ушел на то, чтобы всячески дезинформировать турок. Тут применялись различные методы. Передавались, например, по радиотелеграфу ложные сообщения, зашифрованные по коду, с которыми путем применения разных хитростей дали туркам возможность ознакомиться. Турки придавали такое большое значение этим сообщениям, что одна из их приемных станций специально была предназначена для того, чтобы слушать британские радиопередачи, не пропуская ничего. Радиogramмы посылались часто, притом не только официального характера, — иногда радисты сносились между собою «в частном порядке». Так например, один радист просил своего приятеля сделать ему личное одолжение и узнать, «когда начальник уезжает, и надолго ли?» Этим, дескать, интересуется такой-то полковник. Через некоторое время последовал ответ: «Начальник (г. е. Алленби) уезжает в Суэц 29 октября и вернется около 4 ноября». (Нужно иметь в виду, что именно в эти дни должны были произойти решающие события.) Кавалерийский корпус пустыни, занимавший крайний правый фланг, инсценировал, якобы, полученную им информацию о том, что недоступность

этой холмистой страны для действий кавалерии вновь подтверждается и из других источников. Позже, когда патрули занялись обследованием местности вокруг Беершебы, что могло вызвать подозрение у неприятеля, были переданы сообщения, из которых было ясно, что деятельность англичан в этом районе ограничивается лишь рекогносцировкой и не имеет в виду серьезной операции.

Наиболее драматическая часть этой истории впереди, но если бы мы ограничились только ею, то создалось бы впечатление, что вся разведывательная работа на фронте состоит из одних грандиозных подвигов. Между тем и тут для обеспечения успеха нужна такая же упорная и систематическая «черная работа», как и в других областях человеческой деятельности.

Со временем выяснилось, что турки, начиная с 26 сентября, развернули энергичную работу по укреплению Газы. За время от 26 сентября до конца октября эти укрепления стали вдвое более сильными.

В начале октября Маннеринг решил предпринять решающую попытку обмануть врага, и тут мы переходим к его коронному номеру — истории с офицерской полевой сумкой, которая послужила приманкой.

При ловле рыбы с помощью искусственной приманки лучших успехов достигают те, которые поняли, что дело совсем не в том, какой вид имеет приманка в руках рыбаков, а важно другое — в каком виде она представляется рыбе, когда она видит ее через воду против света. А Маннеринг, как я узнал, вообще страстный рыбак. И вот ему пришла в голову мысль обмануть турок инсценировкой потери офицерской сумки при условиях, исключающих всякую возможность заподозрить задуманную им хитрость. Самое важное в этом деле было — учесть то впечатление, которое должна была произвести эта приманка на германцев и турок.

Прежде всего нужно было устранить возможность подозрения. В Турции того времени, как известно, господствовало пристрастие к бакшишу (взяткам): перед проведением реформ не было почти ничего такого, чего нельзя было бы купить за деньги. Всюду царили взяточничество и продажность, но деньги не давались даром, а лишь в виде вознаграждения за определенные услуги. Никто не поверил бы, что кто-нибудь способен нарочно бросить крупную сумму денег. Маннеринг вложил банкноты на 20 фунтов стерлингов в записную книжку и сунул ее в

полевую сумку. Эта записная книжка армейского образца заключала ряд указаний о ее принадлежности штабному офицеру из ставки Алленби. Это была подлинная записная книжка с массой старых, интересных для врага, но не имевших актуального значения заметок; зато последние записи в ней были рассчитаны на то, чтобы ввести его в заблуждение.

Кроме того, в книжке было много интимного. Что может быть дороже для мужа на фронте, чем письмо от жены из Англии, в котором сообщается о появлении на свет первого ребенка-сына? Как можно рассчитывать, что муж добровольно расстанется с такого рода письмом? Но такое письмо могла написать только женщина, и Маннеринг нашел женщину, которой можно было доверить эту задачу. Она справилась с ней великолепно. Вот что писала «жена» своему «мужу» из Лондона¹:

«36, Бэлем Гарденс, Лондон, Ю. З., 21 августа 1917 г.

Любимый мой!

Как я хочу, чтобы ты был здесь. Я жажду тебя видеть, и мне так хотелось бы показать тебе нашего маленького сына. Как я горжусь им! Это такой великолепный мальчуган и такой ласковый...

Ты не должен беспокоиться о нас: у меня силы с каждым днем прибавляются, а ребенок, по заключению врача, в прекрасном состоянии. Мы его назвали Ричардом; я знаю, это имя всегда тебе нравилось. Я знала, как тебе будет приятно, что я это запомнила.

Все твои сестры навещали меня, и Алиса сразу захотела усыновить его.

Я послала тебе телеграмму сейчас же, как родился бэби, и через три дня получила ответ. Если бы вместо телеграммы ты сам приехал, было бы чудесно. Милый, ты должен постараться приехать, чтобы повидать твоего маленького сына. Не смейся надо мной, но мне кажется, он очень похож на тебя. Он такой прелестный, и ты его также будешь любить.

При налете цеппелинов в нашем районе не сбрасывали бомб. Бедное дитя только родилось на свет, а тут эта ужасная война, и немцы с воздуха бомбардируют Лондон. Луи в своем бюро еле уцелел; стекла в окнах его конторы разбиты.

¹ В письме дан был настоящий адрес, который я заменил вымышленным.

До свидания, мой дорогой. Няня говорит, что я не должна переутомляться и писать слишком много. Скоро опять напишу, и тогда уже более подробно. Береги свою драгоценную жизнь. Целую крепко.

Любящая тебя жена *Мэри*.

Бэби шлет поцелуй папе».

Я несколько раз перечитывал этот документ и едва мог поверить, что это ложное письмо, имеющее целью обмануть врага, а не доставить радость супругу.

Письмо, изъятое при многократном перечитывании, было вложено в бумажник. Тут же было и другое письмо от 6 сентября, посланное из расположения правого фланга войск Алленби; под ним была подпись офицера, находившегося там со своим полком. Это письмо должно было создать впечатление, что раньше конца ноября наступление не будет предпринято. Письмо начиналось с выражения недовольства по поводу того, что предполагавшееся наступление «вновь отложено». Затем следовали едкие замечания по поводу совещаний в ставке Алленби (повестка одного из таких совещаний и подложные приказы также были вложены в бумажник). Автор письма добавлял: «Я полагал, что Алленби — человек, который может принимать решения, не прибегая к совещаниям». Далее он опять пишет в разочарованном тоне: ну, что ж, если дело действительно решено, то нет никакого смысла ворчать. Но все-таки глупо начинать наступление в тот момент, когда ожидаются наиболее сильные дожди. Автор письма (который, как мы должны помнить, находился в безводной местности, где передвижение больших войсковых частей зависело от доставки воды) добавляет: «дошло уже до того, что транспорт для офицерской столовой ограничен одним верблюдом. Где уж тут говорить о роскоши!» Письмо заканчивается упоминанием (оно должно было создать впечатление несдержанности) о предполагаемой морской атаке к северу от Газы, причем отмечена мощность укреплений Газы. Все это сопровождается замечаниями о разных мелочах.

Это письмо лежало в сумке рядом с письмом счастливой супруги своему мужу.

Кроме писем, в сумку был положен общий приказ по армии, выпущенный в начале сентября. В нем обращалось внимание на то, что в пункте, носящем название Абу-Сита, построена новая показательная система окопов, представляющая собой точную копию тех оборонительных укреп-

лений, которые имеются у неприятеля поблизости от берега. Каждому офицеру и унтер-офицеру этого района предлагалось специально изучить эти окопы, пользуясь тем, что до начала наступления еще достаточно времени.

Кроме того, в сумку были положены карты, различные мелочи, а также копия телеграммы из ставки Алленби кавалерийскому корпусу пустыни, в которой предлагалось поручить штабному офицеру произвести обследование местности впереди правого фланга, чтобы проверить, действительно ли естественные препятствия на этом фланге делают обходный маневр против турецкого левого фланга практически неосуществимым. Среди всех этих бумаг имелось несколько черновых шифрованных заметок, имевших целью помочь неприятелю расшифровать дезинформирующие сообщения, составленные этим шифром.

10 октября Маннеринг, положив в сумку завтрак, сел на лошадь и в сопровождении небольшого конвоя отправился на территорию, отделявшую турецкие войска от английских. Оставив конвой позади, он пересек речку и поехал к северо-востоку по направлению к Шерии, где проходит главная линия турецких оборонительных укреплений. У Маннеринга был хороший резвый конь. Вскоре он натолкнулся на турецкий конный патруль, который погнался за ним. Маннеринг проскакал около мили, и турки от него отстали. Тогда Маннеринг сошел с коня и начал стрелять по патрулю на расстоянии 600 ярдов. Это вывело из себя патрульных, они вновь погнались за ним и начали стрелять, хотя никакого вреда причинили ему.

Этот момент Маннеринг использовал для осуществления своего плана. Он поспешно вскочил на коня, распустив при этом ремни, которыми были привязаны его сумка, полевой бинокль, а также фляга с водой — вещь, особенно ценная в тех местах. Уронил также свою винтовку, предварительно смазав ее свежей кровью из легкой ранки, которую получила лошадь, где-то задев скалу. Все эти мелочи были рассчитаны на то, чтобы создать впечатление беспорядочного бегства. Полагая, что сделано все нужное для достижения цели и что турки достаточно приблизились и заметили оброненные предметы, Маннеринг ускакал, пошатываясь в седле, словно раненый. Эту игру он прекратил только подъезжая на полном скаку к британской линии фронта. Он был уверен, что успех обеспечен, но, желая закрепить его, он разослал ряд шифрованных телеграмм о потере сумки с важными документами.

На следующее утро, 11 октября, в приказе по кавалерийскому корпусу пустыни было отмечено, что один штабной офицер, совершая патрульную поездку, потерял свою записную книжку и что нашедший ее должен немедленно вернуть в ставку Алленби. Затем какой-то офицер, отправляясь с патрулем к турецким линиям, сделал такую «глупость»: завернув свой завтрак в копию этого приказа, он обронил его близ линии неприятеля. Известно, что глупость англичан вошла в поговорку. Кроме того, на поиски потерянной записной книжки был послан отряд верховых, которые будто бы ворчали: «Наши штабные дошли до предела в ротозействе. Они сеют сумки, а мы подбирай».

Вот что было посеяно. Теперь посмотрим, какова была жатва.

Работы по укреплению турецких окопов вокруг Шерии, Харэйры и Беершебы сразу стали ослабевать, а одновременно турки с удвоенной энергией стали укреплять Газу. Новые подкрепления, посланные с севера, были направлены в Газу, а не в Шерию. Последней прибыла 19-я турецкая дивизия, которая заканчивала свое комплектование в тылу Газы, в то время как Беершеба подверглась нападению (31 октября), а турецкие основные резервы, состоящие из двух дивизий, были сосредоточены поблизости от берега в тылу Газы, на достаточно далеком расстоянии от восточного фланга, где должны были произойти решающие события. С севера прибыли в приморский сектор 50 аэропланов в разобранном виде. Их не спеша разгружали в тот самый момент, когда Алленби нанес свой удар; когда началось отступление, они были отчасти сожжены, отчасти захвачены британцами.

27 октября турецкая кавалерия атаковала британские передовые посты у Карма, повидимому, желая проверить, какие за ними скрываются силы. Но английские верховые патрули дали отпор и держались, пока не подросла на помощь пехота, которая заставила турок отступить. В тот же самый день и затем снова 30 октября британские военные суда бомбардировали Газу, подкрепляя, таким образом, впечатление, созданное документами из записной книжки.

В ночь с 30 на 31 октября все войска, предназначенные для наступления на Беершебу, достигли указанных им пунктов. Первое наступление начато было в 15 мин. пополудни. Я не знаю, как Маннеринг провел этот день. Если он в этот вечер был в ставке, то я могу себе пред-

ставить его самочувствие, когда получено было сообщение, адресованное «Г» (генеральному штабу) и «Р» (отделу разведки): «Беершеба занята в 19 час. 40 мин. кавалерийской бригадой. Приблизительное количество пленных 250, 9 полевых орудий. В Беершебе обилие воды».

Основываясь на захваченных документах, мы можем теперь проследить, какова была судьба полевой сумки-приманки, после того, как она попала в руки врага.

Из турецкой официальной сводки за 10 октября и следующие дни видно, что документы, найденные в захваченной полевой сумке, немедленно были переданы самому генералу фон Крессу, германскому командиру, и что изучение этих документов производилось под его личным наблюдением. В приказе фон Кресса, найденном в Беершебе 1 ноября, на следующий день после занятия ее, дано изложение эпизода. Там говорилось, что «в сумке была обнаружена записная книжка, содержащая сведения о силах врага, очевидно, принадлежащая офицеру неприятельской ставки. В этой записной книжке... была также важная информация о его планах и действиях врага». В приказе фон Кресса выражалась особая благодарность турецким солдатам, захватившим документы, а в заключение было сделано предостережение всем чинам турецкой армии о недопустимости таких промахов, как потеря секретных документов, ибо они могут попасть в руки неприятеля.

8 ноября в Газе была найдена копия подобного же приказа по 20-му турецкому армейскому корпусу. В приказе, после подробного изложения инцидента с сумкой, сообщалось, что счастливый унтер-офицер, в руки которого попал документ, получил хорошее вознаграждение. В этом приказе находим следующий параграф:

«Информация, содержащаяся в этих документах, имела столь важное значение, что мы могли установить дату неприятельского наступления. Это дает нам возможность предупредить врага, и, как только в Газу придут подкрепления, мы сокрушим дерзких англичан».

Представив такое убедительное доказательство успешности затеи Маннеринга, мы можем закончить наш рассказ о сумке-приманке. Более удачный пример блефа мне не попадался во всей истории войны на Востоке — за исключением фантастических рассказов в духе ветхого завета.

В результате успешно проведенной внезапной атаки были захвачены с ничтожными жертвами весьма сильные по-

зиции, которые имели решающее значение для дальнейших операций. Было захвачено 2 тыс. пленных и 13 орудий, турки оставили на поле битвы 500 убитых. Алленби рапортовал: «Этот успех обнажил левый фланг основных турецких сил для решающего удара... Турки в Беершебе, несомненно, были застигнуты совершенно врасплох».

После сосредоточения достаточных сил в районе Беершебы решающий удар был нанесен 5 ноября. Перед этим неприятелю было внушено впечатление, что беершебская операция не является прелюдией к решительной атаке на основные позиции, а носит лишь характер развернутой рекогносцировки. Турецкий восточный фланг, опиравшийся на Харэйру и Шерию, был прорван. Газа пала 7 ноября, и турецкая армия начала общее отступление. 14 ноября передовые части Алленби уже были у важной узловой станции, где сходятся пути из Газы и от берега к Иерусалиму, 16-го они достигли Яффы, 9 декабря был занят Иерусалим и 11 декабря Алленби вошел в «святой» город через Яффские ворота.

Тут мы можем пока расстаться с этим театром военных действий, напоминая о временах ветхого завета и походов крестоносцев. В дальнейшем мы к нему вернемся и расскажем о новых попытках мистификации врага перед решительной битвой у Меджиддо 19—25 сентября 1918 г., в результате которой было сломлено сопротивление турок и начался разгром и сдача всей турецкой армии.

ГЛАВА XVII

ПЯТАЯ БРИТАНСКАЯ АРМИЯ

(Март 1918)

Тысяча девятьсот семнадцатый год, как мы уже говорили, был в основном годом тяжелых разочарований для Антанты на главных театрах войны. Наступление Нивелля в апреле, которое столь сильно рекламировалось и стоило таких огромных жертв, вызвало волну пораженчества во Франции и сопровождалось восстаниями во французской армии. Беспощадная подводная война нанесла такой большой ущерб торговому флоту всех стран, как воюющих, так и нейтральных, что Великобритания была ближе к поражению, чем когда бы то ни было после XVIII в. Правда, в апреле США объявили войну Германии, но германская армия, представлявшая решающий фактор в войне, могла почувствовать силу американских войск только через не-

сколько месяцев. Крушение России и Румынии дало возможность германским и австрийским войскам нанести удар Италии у Капоретто в октябре (двенадцатое сражение у Изонцо 24 октября — 26 декабря 1917 г.).

В качестве компенсации общественному мнению можно было преподнести в виде подарка занятие Багдада в марте, поражение турок у Газы в ноябре и занятие Иерусалима в декабре. Однако ни один из этих эпизодов не мог облегчить положение армий Антанты, противостоявших основным силам германской армии во Франции и во Фландрии, а между тем операции в Палестине поглощали живую силу и военное снаряжение, ослабляя, таким образом, главный фронт, где ожидалось решительное наступление.

Где будет нанесен следующий удар? Некоторые предполагали, что он будет направлен против Италии, чтобы окончательно вывести ее из строя. В союзном верховном военном совете, который был создан после Капоретто, мнения разделились, и в течение нескольких недель в начале 1918 г., когда была дорога каждая минута, это высшее учреждение не давало никаких ясных указаний. Еще раньше британская разведывательная служба на западном фронте получила сведения о новых методах германского наступления. Эта информация поступила с других театров войны, с русского и итальянского.

Положение в России вполне определилось. В военном отношении Россия была парализована, всякие сомнения на этот счет постепенно превратились в уверенность. После развернутого брусилковского наступления в 1916 г., которое, наряду с британскими атаками на Сомме, значительно облегчило положение французской армии во время мужественной защиты Вердена и тяжелых боев на восточном фронте в 1917 г., русская армия потерпела решительное поражение в боях под Ригой (1—5 сентября 1917 г.), где наступлением руководил генерал фон Гутье.

Таким образом, на восточном фронте Германии не угрожала серьезная опасность. Однако крушение царской России не привело к ослаблению французских и британских армий на западном фронте. При всем желании ни французское, ни британское правительства не могли снять войска с фронта и послать их на помощь России, чтобы отразить германское вторжение, — не было путей сообщения, по которым они могли бы доставить своевременно войска на русский фронт.

Иначе обстояло дело с грозным наступлением на итальянском фронте. После битвы у Капоретто, начавшейся

24 октября 1917 г., итальянская армия была отброшена к линии на р. Пиаве, где фронт был стабилизирован с помощью французских и британских войск. Если бы эти части не были сняты с западного фронта, они могли бы поддержать блестящее наступление британской третьей армии у Камбре в ноябре, которое в таком случае не осталось бы лишь уступкой общественному мнению, а дало бы более серьезные результаты.

Отметим, что план атаки у Капоретто также приписывался генералу фон Гуте. Основная характерная особенность этого метода атаки состояла в расположении огромного числа дивизий на определенном участке в виде растянутой дуги; от нее протягивались пути продвижения армии, сходящиеся на более узком участке фронта. На переднюю линию фронта выдвигались лишь отдельные части различных видов оружия, например, одна батарея из артиллерийской бригады и другие части в соответствующем количестве. Таким образом, до самого начала боя не было никаких указаний, что готовится сокрушительный удар. Выдвинутые вперед отдельные батареи должны были пока пристреливаться к основным мишеням и производить рекогносцировку, с тем чтобы собранные данные могла использовать главная масса артиллерии во время наступления. Основная масса подкреплений оставалась в трех переходах от линии фронта до самого момента нажима рычага, и тогда вся эта огромная человеческая масса приходила в движение и обрушивалась на врага. Развернутому наступлению предшествовала жестокая бомбардировка, имевшая целью уничтожить все препятствия и сломить всякое сопротивление. Таким рисовался нам план фон Гуте, «организатора победы».

Каково же было положение в январе 1918 г. в главной квартире сэра Губерта Гоуфа, командующего пятой британской армией на амьенском фронте? 10 января его армия с достаточными силами удерживала около 12 миль союзного фронта — к северу от Гузокур до р. Оминьона. В течение следующих двух дней этой армии передали дополнительный участок фронта, который раньше — направо от нее — занимал один армейский корпус. Между 26 января и 3 февраля Гоуфу пришлось заполнить своими частями еще участок фронта другого французского корпуса, и, таким образом, линия фронта, занимаемая армией Гоуфа, была растянута вправо до Баризи за р. Узой; общее протяжение его фронта равнялось 42 милям. Таким образом, британский фронт, в особенности фронт

пятой армии, растягивался и становился все тоньше и тоньше, между тем как германская армия усиливалась с каждой неделей.

Общая численность всей армии Хейга в марте 1918 г. была на 180 тыс. человек меньше, чем в марте 1917 г., почему Хейг не мог больше выделить никаких частей для поддержки Гоуфа. Предполагалось, что если в результате наступления превосходных сил германцев линия фронта подается назад, то предпочтительно образовать выступ на фронте пятой армии, так как у нее в тылу останется больше пространства для маневрирования, чем в другом месте. Дальше на севере вынужденное отступление могло бы явиться прямой катастрофой, потому что там наступающие и без того были уже близки к берегу. Кайзер сам находился позади германской линии фронта, выжидая момент, когда он сможет победоносно вступить в Париж. Эта крупная операция, задуманная Людендорфом, уже заранее была прозвана «битвой кайзера». Германские военнопленные называли это сражение «последним жертвоприношением» или «последним шагом к победе».

Хейг сделал все возможное, чтобы получить подкрепления для поддержки Гоуфа. Но верховный военный совет, повидимому, не понимал, что опасность так близка. Мнения в совете разделились. Ллойд Джордж носился с планами дальнейшего ослабления армии Хейга, пытаясь найти более легкие пути к победе, чем на участке фронта, занятом главными германскими силами. Впервые за время войны такого рода проекты были поддержаны ответственным военным консультантом правительства, вследствие чего просьба Хейга о присылке добавочных войск не была удовлетворена. Таким образом, Гоуф был предоставлен самому себе.

Крупные события во время войны подчас зависят от незначительных явлений. Я намерен рассказать, как небольшая провинциальная германская газета, поместив с виду совершенно невинное сообщение, выдала план германского наступления — план самой ожесточенной в истории войн атаки, которой не могла бы выдержать никакая армия, если бы она началась неожиданно.

Для Гоуфа, располагавшего недостаточными силами, сведения о германском плане имели крайне важное значение. И он получил информацию не только о том, что именно против него готовится сокрушительный удар, — он со временем узнал также и день, когда этот удар

будет нанесен. Разведка оказала ему большую услугу — он не был застигнут врасплох. Скудные средства обороны, которыми он располагал, были использованы в полной мере, и время, оставшееся до начала германского наступления, было в первую очередь посвящено улучшению укреплений на тех участках фронта, которые ему недавно пришлось занять в порядке преемственности.

Насколько мне известно, до сих пор в печати еще не появлялись сведения о том, каким образом Гоуфу удалось получить эту информацию. Вот как это произошло.

Гоуф располагал 11 дивизиями на фронте и 4 резервными стрелковыми дивизиями. Он занимал фронт протяжением в 42 мили. В третьей армии Бинга, расположенной севернее (слева от Гоуфа), на протяжении 26 миль фронта было 10 дивизий на фронте и 7 в резерве. Против этих двух британских армий было сосредоточено 67 неприятельских дивизий, размещенных на большой дуге, радиусы которой — для основной массы войск — были не длиннее трех ночных переходов; словом, та же картина, что и под Ригой.

Новая тактика привела к успеху уже дважды, в особенности против России. Британия теперь несла на себе главное бремя войны во всех областях: моральной, морской, военной, воздушной, экономической и финансовой. Попытка Германии нанести сокрушительный удар Британской империи с помощью беспощадной подводной войны в 1917 г. потерпела неудачу и лишь привлекла Америку к участию в войне. Значит, необходимо принять какие-то крайние меры против главного врага — Англии, и это необходимо сделать раньше, чем массы американских войск начнут прибывать в Европу. Можно было предполагать, что новый удар будет страшнее, чем тот, который был нанесен русской армии под Ригой. Но куда он будет направлен — против основных сил британской армии или против наиболее слабой части британского фронта, занимаемой Гоуфом?

Отметим еще значение фактора местности. Верховный военный совет, решив, что Гоуф должен растянуть линию своего фронта к югу, чтобы таким образом облегчить положение французов, мотивировал свое постановление тем, что значительная часть фронта Гоуфа проходит по болотистой местности и там для защиты не требуется, дескать, много сил. Вообще говоря, болото, — конечно, важный фактор во время войны. Еще Наполеон сделал это открытие накануне битвы при Ватерлоо. Нечто подоб-

ное было и в Пашенделе у Хейга. Но дело в том, что в марте 1918 г. на линии фронта пятой британской армии в этих болотистых местах совсем не было болотной грязи. В ту исключительно сухую зиму (начиная с декабря держалась сухая погода) болота высохли совершенно, и даже р. Уаза не представляла особых препятствий для перехода.

Очутившись в таких условиях, Гоуф в январе издал приказ, в котором предупреждал своих высших командиров о том, что им предстоит. Около того же времени Гоуф получил сведения, которые превратили его догадку в уверенность.

В январе 1918 г. молодой германский летчик, поднявшись с аэродрома в районе Сен-Кантена, направился на запад. Это был его последний полет. Он был сбит в районе пятой армии и упал, тяжело раненный пулей в грудь навылет. Его враги отнесли к нему как к храброму юноше, и было сделано все, чтобы спасти его жизнь, но безуспешно. Он умер в госпитале и был похоронен со всеми подобающими почестями.

Теперь перенесемся в Швейцарию. На этом клочке нейтральной земли, окруженной воюющими странами, свободно распространялись газеты всех этих стран. Там были организованы бюро разведки как союзниками, так и их противниками. Понятно, что агенты Антанты усердно искали военную информацию в германских газетах. При этом особенно тщательно изучались мелкие провинциальные газеты, которые выходили в таких местах, где цензура была менее опытной и менее строгой, чем в более населенных пунктах, откуда газеты чаще попадали за границу. Однажды агент союзной разведки, просматривая утром небольшую баденскую газету, натолкнулся на письмо в редакцию от матери молодого летчика, отдавшего свою жизнь за отечество в районе британской пятой армии. Эта бедная женщина с гордостью процитировала также письмо, полученное ею от одного высокопоставленного военного, командующего армией в районе Сен-Кантена. Редактор газеты опубликовал письмо командующего армией, не видя в этом ничего плохого. Письмо было подписано генералом фон Гутье.

Имя фон Гутье, организатора победы у Риги и в других местах, до этого момента никогда не встречалось на западном фронте. Его прибытие в Сен-Кантен держалось в тайне, которая сохранялась столь же ревностно, как и прибытие Нельсона в Кадикс в октябре 1805 г. из Швей-

царии. Сообщение об этом вскоре дошло до командующего британской пятой армией. Вот каким путем догадки Гоуфа превратились в уверенность.

3 февраля Гоуф сообщил командирам своих частей, что, по всей вероятности, скоро на них обрушится удар. Он разъяснил им, что сектор р. Уазы не может считаться неуязвимым — вопреки доводам, которые по этому поводу приводились в другом месте¹. Гоуф указывал на то, что сражение у Риги было начато переходом войск фон Гутье через реку. За месяц до наступления был отдан приказ сделать приготовления для взрыва 350 мостов в том случае, если армии придется под давлением превосходящих сил неприятеля податься назад. (Когда это произошло, мосты были уничтожены.) По мнению Гоуфа, стремление во что бы то ни стало держаться на определенной линии могло привести к роковым последствиям; прорыв фронта означал бы катастрофу; тонкая линия фронта может согнуться, подобно гибкой стали, но не должна ломаться, как чугунный брусок. В соответствии с этим были приняты все необходимые меры. Общий вывод 3 февраля был таков: главного удара германского наступления следует ждать против третьей и пятой британских армий, причем основной целью его будет Амьен.

Вот к какому результату привело письмо немки, гордившейся своим погибшим сыном, и нарушение секретности редактором небольшой провинциальной газеты. Внезапность, этот мощный фактор войны, не была достигнута. Артиллерия каждого корпуса британской пятой армии получила указания разрушать определенные участки дорог за линией германского фронта. Эти участки подвергались постоянно тщательному наблюдению и аэрофотосъемке. Когда было установлено, что немцы поспешно ремонтируют эти дороги, стало очевидным, что надвигается большое наступление. 12 марта был издан приказ о подготовке к бою; затем 20 марта — приказ всем занять боевые позиции, а за несколько часов до начала германского наступления — приказ быть готовым к бою. Один офицер, только что вернувшийся из отпуска, посетил главную штаб-квартиру пятой армии вечером 20 марта. Его хорошо накормили ужином и предложили ночью же от-

---

¹ Я хорошо помню, как, рассматривая в те дни в Уайтхолле карту фронта, я думал, что р. Уаза и ее окрестности представляют препятствие, которое остановит наступление врага. Я не знал, что река почти высохла.

правиться, чтобы утром быть готовым к бою, в котором он и погиб.

Что произошло потом, в общем хорошо известно. Тонкая линия фронта пятой армии отогнулась назад почти до Амьена; она согнулась, но не была сломлена. Великий план Людендорфа потерпел неудачу, и кайзеру не удалось вступить в Париж. Лорд Милнер был спешно направлен из Англии в Дуллан, так как в высших сферах положение признавалось отчаянным; он взял на себя 26 марта большую ответственность, дав согласие от имени британского правительства на предоставление Фошу полномочий по координированию действий союзных армий. Это должно было обеспечить на будущее взаимную помощь в критические моменты; Хейг горячо поддерживал это решение. Гоуф, в действиях которого нельзя было найти ни одной ошибки и который удостоился похвалы своего начальника Хейга, был потом сделан козлом отпущения в глазах общественного мнения, не знакомого с обстоятельствами войны. Истинное положение долго оставалось скрытым, потому что донесение Хейга не было опубликовано в течение многих месяцев.

Мы в другом месте уже говорили о слухах, которые распространялись среди лиц, не располагавших военной информацией, и о том, каков был эффект этих толков. В связи с этим интересно рассказать о приезде Гоуфа в Лондон. Я был при том, как Гоуф вошел в курительный зал одного лондонского клуба. Он был в бодром настроении и ничем не показывал ни малейшего следа огорчения по поводу тяжелого удара, полученного им как раз тогда, когда он достиг вершины своей военной карьеры. Он с увлечением рассказывал анекдот, который передавали о нем за чайным столом где-то в Кенсингтоне. Постараюсь передать этот рассказ его собственными словами:

«Знаете ли вы, друзья, что обо мне говорят в Лондоне? Одна почтенная старая леди в Кенсингтоне заявила: «Вы слышали об этом ужасном генерале Гоуфе? Оказывается, он спал во время великого сражения!» И он добавил: «Спал! Ну, конечно, я спал. Сражение продолжалось пять дней, и я спал, как младенец, когда представлялся случай».

Слушая это, я думал, что вряд ли было разумно так третировать представителя высшего командования в то время, когда армия Хейга еще находится в тяжелом положении и нуждается в подобных людях, полных бесстрашия

и бодрости. Но беспристрастные историки со временем восстановят всю правду. Некоторые лица, находившиеся далеко от театра войны, потом утверждали, что они заранее предвидели наступление 21 марта 1918 г. Я в своем изложении полагался только на показания людей, бывших на месте и знающих, что тогда действительно было добыто путем разведки. И я надеюсь, что приведенные сведения окажутся полезными для будущих историков.

Нам остается заполнить еще некоторые пробелы в нашем изложении и рассказать о событиях, происшедших в последние дни и часы накануне большого наступления, предпринятого фон Гутье на тонкую линию фронта пятой армии Гоуфа, в то время как фон Марвиц наступал несколько далее к северу.

В ночь на 18 и 19 марта была получена информация от германских пленных и дезертиров, из которых двое, как это впоследствии признал и Людendorф, дали точные сведения о предстоящем наступлении. Затем наступила зловещая тишина и напряженное ожидание бури. Чтобы удостовериться в точности сведений о грозившем наступлении, 20 марта был совершен налет на германские окопы вблизи Файе. Было обнаружено, что три германские полка (9 батальонов) были сосредоточены на участке фронта, который до того был занят лишь тремя батальонами. Было взято 15 пленных, и в общем удалось с точностью установить, что в течение ближайших 6 часов развернется наступление. Эти сведения были с возможной быстротой переданы тем британским и французским командирам, которых более всего должно было касаться это наступление.

Рано утром густой туман, как часто бывает в этих местах, совершенно скрыл поле битвы. По описанию одного офицера, бывшего на передних линиях фронта, «над землей стоял густой туман и дул легкий северо-западный ветер». До 4 часов утра царил полная тишина, напряженность которой все больше усиливалась. Для кого был выгоден этот туман — для наступающих или для обороняющихся? Среди тех, которые находились вдали от этих тяжелых испытаний, наиболее распространенным было мнение, будто этот туман благоприятствовал наступлению и что таким образом была достигнута внезапность удара.

Мне кажется, что по отношению к пятой армии утверждение о внезапности неверно. В свете имеющихся у меня сведений о том, что было тогда известно о предстоящем наступлении и что было сделано для отражения его за

короткое время после расширения фронта пятой армии, я полагаю, что при лучшей видимости потери немцев от пулеметного огня англичан были бы, конечно, более ужасны. Но нужно принять во внимание и другие факторы: условия артиллерийского обстрела, газовой атаки, встречного огня, а также условия вождения наступающих масс. Людендорф по вопросу о значении тумана не дал определенного ответа. Более интересно ознакомиться с мнением сэра Губерта Гоуфа. Рассматривая относительные выгоды тумана для обеих сторон, он в одном частном письме подтверждает, что это «спорный вопрос». Стоит привести полностью заключительные слова Гоуфа:

«Мое мнение сводится к тому, что сначала, примерно в течение нескольких часов, туман был весьма невыгоден для обороняющейся стороны. Если бы не было тумана, то многие из наших пулеметов, достаточно искусно скрытые, вырвали бы у врага огромное количество жертв. Возможно, что мы могли бы отразить атаку, хотя при огромном превосходстве германских войск это вряд ли вероятно. Как только враг прорвал первые линии обороны и стал продвигаться вперед, он должен был обнаружить, что командование, координирование действий и связь становились все более трудными. Тут, нужно признать, туман явился серьезным препятствием для неприятеля. Почему германцы, несмотря на это, приняли решение, при том ответственное и требующее быстрой реализации? В войне, где все так неустойчиво, где непрерывно действует великое множество факторов, глупо держаться какой-либо догмы. Но мой вывод таков. Если бы день был ясный и наступающая сторона прорвалась через первые линии обороны, потеряв даже значительно больше солдат, чем она потеряла при тумане, то германское искусство управлять массами людей дало бы возможность быстро использовать первый успех. Людендорф не ставил себе какую-нибудь ограниченную цель, его планы были неограниченны, и для их осуществления в бой были введены огромные силы, поддерживаемые широкими резервными массами, а при всех подобных неограниченных военных планах необходима быстрота выполнения во время атаки. Можем ли мы высказать уверенность, что в ясный день германцы были бы остановлены после своих первых потерь? Их численность и их тренировка не дают нам возможности ответить положительно на этот вопрос. В целом же можно сказать, что туман благоприятствовал нашей пятой армии».

В 4 часа 40 мин. утра началась жестокая бомбардировка.

По описанию одного автора, «земля, камень и вулканический дым выплывались в туман из многих тысяч огромных кратеров, образованных взрывами снарядов». Затем под прикрытием огневой завесы двинулись в наступление войска, которые — по рассказам пленных — были уверены, что это последнее избиение и последний шаг к победе. Это необходимо иметь в виду при оценке исхода боя.

Гоуф впоследствии писал: «Офицерам и солдатам пятой армии, в особенности же семьям тех, кто пожертвовал своей жизнью в эти мрачные дни борьбы, горько было слышать ложные суждения об их действиях и их выдержке, которые так широко распространялись; горько было слушать эти суровые и несправедливые отзывы». Но теперь они могут найти утешение в отзывах противной стороны, показывающих, что страшные потери, понесенные нами при отражении самой жестокой в истории войны атаки, привели нас не к поражению, а к победе. Линия фронта согнулась, но не сломалась, и план Людендорфа, рассчитанный на окончательную победу, по его собственному признанию, закончился неудачей. С этого момента в Германии стали клониться к упадку моральное состояние армии и патриотическое настроение народа в тылу, которые прежде подогревались щедрыми обещаниями. Благодаря тому, что британцам своевременно стало известно о прибытии фон Гутье в Сен-Кантен, пятая армия не была застигнута врасплох, и напряженные приготовления в течение последних недель перед германским наступлением помогли нам предотвратить катастрофу.

В заключение приведу сообщение одного военного, который хорошо был знаком с моральным состоянием пятой армии после ужаснейшего испытания и правильно оценивал результат этого сражения, приведшего к крушению планов противника:

«Ночью 25 марта волна большого наступления на Амьен была задержана. Командующий армией смог сообщить в ставку, что он нуждается лишь в нескольких свежих дивизиях, с помощью которых он может отбросить назад наступающих. Армия гордилась своим успехом, и поздравления посыпались от товарищей из других частей. Так как свежие войска не подошли, то единственное, что оставалось делать, — удержать занятые позиции. Наши небольшие контратаки проводились успешно; они показывали, что наступление врага достигло своего крайнего предела. Когда же до армии дошли сведения, что в выс-